Пустовойтова О. В.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ РЕАЛИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И. А. БУНИНА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/66.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 162-163. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ные ограничения, обусловленные полом референта на материале англоязычных лексикографических изданий, что является значимым для межкультурной коммуникации и теории перевода в целом.

Список использованной литературы

1. Апресян Ю. Д. Формальная модель языка и представление лексикографических знаний // Вопросы языкознания. - 1990. - № 6.

2. Апресян Ю. Д. Лексикографическая концепция Нового Большого англо-русского словаря // НБАРС. - Т. 1. - М.: Русский язык, 1993.

3. Дубичинский В. В. Теоретическая и практическая лексикография (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 45). - Wien-Charkov, 1998.

4. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. - М.: Наука, 1981.

5. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.

6. Кирилина А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: Дис. … д-ра филол. наук. - М., 2000.

7. Костикова И. В. и др. Введение в гендерные исследования. - М.: Аспект Пресс, 2005.

8. Kotthoff H. Die Geschlechter in der Gesprachsforschung. Hierarhien, Teorien, Ideologien // Der Deutschunterricht. - 1996. - № 1.

9. Лауретис де Т. Американский Фрейд // Гендерные исследования. - 1998. - № 1.

10. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. - Л.: Наука, 1974.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ РЕАЛИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И. А. БУНИНА

Пустовойтова О. В.
Магнитогорский государственный университет

В произведениях Ивана Алексеевича Бунина «Костёр», «В августе», «Осенью» наблюдается трансформация повседневных реалий, когда обыденные явления, предметы приобретают в сознании героев черты необыкновенных, исключительных. В рассказе «Костёр» (1902 г.) взору странника предстает живописная картина ночной степи, костёр, горящий в осенней мгле, цыганский табор, с присущим ему духом свободы, безграничной воли.

Герой произведения попадает в совершенно незнакомый, удивительный, таинственный мир. Ослепительный, завораживающий, магический блеск ночного костра манит путника, притягивает необычайной, сказочной красотой: «костер горел ярко», «…я еще раз глянул на костер, который слепил меня своим ярким мерцанием» [Бунин 1965: 242]. Живительная сила огненной стихии согревает тело странника, а душу наполняет светлым, лиричным, поэтичным чувством.

На фоне горящего пламени взору путешественника предстает цыганский табор, кочующий по бескрайним степям, живущий под звездным небом. Гордость, свободолюбие, изумительная красота, присущие цыганскому народу, очаровывают героя: «Он сидел, горделиво откинув голову назад, и охватив руками поднятые колени, искоса смотрел на меня», «надо всем же этим стояла девочка лет пятнадцати и задумчиво смотрела на меня печально-призывными глазами необыкновенной красоты» [Бунин 1965: 242].

Статичный, лишенный яркости, креативности мир повседневности, в котором живет герой, сменяется экзотической панорамой, где знакомые вещи и предметы принимают черты фантастических, неизведанных, дивных. Образы ночной степи, костра, тройка лошадей, колокольчик, цыгане в восприятии странника не «оповседневнены» (термин М. Вебера), в его сознании они предстают как нечто увлекательное, непостижимое. Обыденное сознание, «ментальное образование» (Чулкина Н. Л.), ограниченное пространственными и временными рамками, лишающее человека возможности постичь глубинные токи бытия, уступает место внутренним желаниям, духовным потребностям героя. Кочевая жизнь табора с его шатрами, вереницей телег, самоварами вызывают неповторимое чувство движения жизни, свободы, душевного простора у персонажа, поэтому отдаляясь от него, он ощущает, что утратил что-то важное и необходимое, то чего у него нет: «И в запахе росистых трав, и в одиноком звоне колокольчика, в звездах и в небе было уже новое чувство - томящее, непонятное, говорящее о какой-то невознаградимой потере…» [Бунин 1965: 243].

Исследователи проблемы «повседневности» И. Т. Касавин, С. П. Щавелев, Е. В. Золотухина - Аболина и другие указывают на то, что в реальном мире человеку приходится балансировать между желанием выйти за пределы повседневного, гнетущего существования, проникнуть в иное измерение, и жить по заведенному порядку, ассоциирующемуся со стабильностью, спокойствием. По мнению исследователя Б. Вальденфельса, «человек как «нефиксированное» животное существует не только в порядке повседневности, а как бы на пороге между обыденным и необычным, которые соотносятся друг с другом как передний и задний планы, как лицевая и оборотная стороны» [Вальденфельс 1991: 42]. Поэтому герой произведения, восхищаясь кочевой жизнью цыганского табора, имея внутреннее желание освободиться от оков повседневности, все же покидает ночных странников и отправляется в путь, чтобы вернуться к привычному, данному бытию.

Странное, щемящее чувство тоски, одиночества испытывает герой рассказа «В августе» (1911 г.). Ему кажется, что он «остался один во всем свете», а всё вокруг «замирало от полноты счастия, - в садах, в степи, на баштанах и даже в самом воздухе и густом солнечном блеске» [Бунин 1965: 244]. Персонаж испытывает острое, глубокое переживание разлуки, оставившее в его душе неизгладимый след. Мыслями, чувствами

герой далек от реальной действительности, его взор устремлен вдаль, где растаял образ женщины, которую он любил, которой он грезит, которая заставляет его страдать, терзаться муками ревности. Возвышенное чувство любви, женская красота, «мучительно-тоскливые и сладкие стремления», заставляющие трепетать сердце, контрастируют в произведении с повседневным убогим сельским пейзажем. Пыль, «гремящие телеги с ящиками и тюками», невыносимая жара, мухи, солнце, сушившее двор, «заваленный навозом», «тяжелые арбузы», лежащие «среди длинных пожелтевших плетей, перепутанных, как змеи» - с одной стороны, и «синеющая долина реки», «нежная южная даль», «меланхолично зовущая даль», куда уехала любимая, дорогая сердцу женщина.

Идеализированный, эстетизированный женский образ, оставшийся в воображении, в воспоминаниях героя несравним с маленькой, «загорелой, в грязной рубахе и старенькой плахте» девушкой. Нотки скорби по женской красоте звучат в произведении. Прекрасное несовместимо с безобразным, уродливым: «И лицом она была похожа на девочку-подростка из русского села. Однако я никак не мог привыкнуть к ее одежде, к тому, что она босыми ногами ходит по навозу и колкому жнивью, даже стыдился смотреть на эти ноги. Да она и сама все поджимала их и часто искоса поглядывала на свои испорченные ногти. А ноги были маленькие и красивые» [Бунин 1965: 246].

И. А. Бунин, по мнению исследователя Ю. В. Мальцева, «первый большой эротический писатель», в его произведениях эротика является неотъемлемой составляющей, вносящей чувство страсти, горячий эмоциональный накал. Герой в образе простой деревенской девушки видит женскую красоту, таинственность, его пленяет и ее «детская печаль», и некая наивность.

Героев произведения «Осенью» охватывает вспышка случайной страсти. Апатия, присущая их обыденной жизни, сменяется неожиданной энергией. Нервная дрожь и «необычная легкость» пробежали по телу героини. Тайное волнение, непреодолимое влечение возникает между героями рассказа. Персонаж испытывает эротическое возбуждение от тонкого запаха волос, опущенных ресниц, «гладкого и нежного меха соболя на ее шее». Он и она, охваченные страстью, сливаются в едином вздохе, взгляде: «Мы встретились лицом к лицу, в ее глазах не было больше ни страха, ни колебания, - легкая застенчивость сквозила только в напряженной улыбке» » [Бунин 1965: 250].

Сердца мужчины и женщины, истосковавшиеся по любви, горели безумной страстью, море, южный ветер, «черные тополи» вторили им: «Мы были одни. Я целовал ее губы, упиваясь их нежностью, целовал глаза, которые она поставляла мне, прикрывая их улыбкой, целовал похолодевшее от морского ветра лицо, а когда она села на камень, стал перед нею на колени, обессиленный радостью» [Бунин 1965: 252]. Художник описывает не просто телесные отношения, а передает всю гамму чувств, накал страстей, единение двух истосковавшихся по любви душ. Любовь, по мнению писателя, это физическое и душевное состояние, которое заставляет совершать невиданные поступки, дает возможность пережить сладостные минуты счастья и приносит огромную, ничем неунимающуюся боль. Любовное чувство страстно, пылко и трагично одновременно.

Героиня впервые в жизни оказывается счастливой, неповторимое чувство наполняет ее душу и тело. По мнению М. Вебера в момент экстаза «любящий знает, что проник в недоступное никаким рациональным усилиям ядро истинно живого и ускользнул как от холодной мертвечины рациональных установлений, так и от тупой повседневности» [Вебер 1990: 332].

Греховная страсть, которой предаются герои произведения, дает им ощущение полноты жизни, то, что казалось «так скучно и обыденно» осталось позади, и только «единственная счастливая ночь», непохожая «на действительность и преступная», раскрепостившая чувства, есть в их жизни. В этот момент героиня, охваченная «восторгом безумия», вторила нежные слова: «я люблю тебя».

Исследователь М. Вебер отмечает, что эротика есть способ «проникнуть в самое иррациональное», любовь полов выступает «как подлинная власть судьбы». Если в античных произведениях женщина (Сафо) оставалась для мужчин недосягаемым идеалом, которому поклонялись и который боготворили, то у И. А. Бунина женщина - это и субъект и объект наслаждения. Эротические отношения в произведениях писателя достигают «вершины любви - непосредственного проникновения души одного человека в душу другого» [Вебер 1990: 331].

В произведениях И. А. Бунина прослеживается модификация явлений эмпирического опыта. В повседневный мир героев органично вплетаются необычные жизненные ситуации : это восторженное переживание встречи с цыганами в осенней степи, мучительная разлука с любимой женщиной, страстное, неудержимое, исполненное эротизма влечение полов. Все это не вписывается в рамки монотонной повседневности героев, а выходит за ее пределы.

Список использованной литературы

1. **Бунин И. А.** Собр. соч.: В 9 т. / И. А. Бунин. - М.: Художественная литература, 1965. - Т. 2. - 527 с.
2. **Вальденфельс Б.** Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс // Социо-Логос. - 1991. - № 1. - С. 39-50.
3. **Вебер М.** Избранные произведения / М. Вебер. - М.: Прогресс, 1990. - 808 с.